

зывается в большинстве постановлений об объявлении в розыск обвиняемого, например: «по месту жительства отсутствует и его местонахождение неизвестно».

В соответствии с Законом «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» и Положением о Министерстве внутренних дел Республики Беларусь, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 4 декабря 2007 г. № 611, ОВД осуществляют розыск: «обвиняемых, местонахождение которых неизвестно, лиц, скрывающихся от органов, ведущих уголовный процесс, лиц, уклоняющихся от отбывания наказания или иных мер уголовной ответственности, без вести пропавших...». В настоящее время ни в одном нормативном документе нет определения «лицо, скрывшееся от органа, ведущего уголовный процесс».

В связи с этим можно сделать вывод, что ОВД наделены правомочиями обращаться в нотариальные конторы с заявлением о производстве исполнительной надписи о взыскании расходов по розыску с лица, объявленного в розыск по постановлению следователя или судьи, только в тех случаях, где прямо указывается, что лицо, объявляемое в розыск, скрылось от органа, ведущего уголовный процесс.

В целях единообразного применения законодательства нами предлагается изучить и обобщить практику вынесения постановлений об объявлении в розыск обвиняемых и обоснованности отнесения их к лицам, скрывшимся от органа, ведущего уголовный процесс, для эффективности возмещения средств, затраченных на розыск, при этом поставить на разрешение следующие вопросы:

1. Вправе ли сотрудники ОВД взыскивать расходы по розыску с лица, объявленного в розыск по постановлению следователя или судьи, где не указывается факт, что оно скрылось от органа, ведущего уголовный процесс?

2. На какое подразделение ОВД будет возложена организация работы, учет и ведение документации по взысканию сумм, израсходованных в связи с розыском обвиняемого, скрывшегося от органа уголовного преследования и суда?

3. Правомерно ли производство взыскания сумм, израсходованных в связи с розыском обвиняемого до проведения судебного разбирательства?

1. Родевич В.Ч., Толочко А.Н. Розыск обвиняемых, скрывающихся от предварительного следствия. Минск : Акад. МВД, 2014. 124 с.

2. Суховенко Н.А. О возмещении расходов на розыск обвиняемого, скрывшегося от органа ведущего уголовный процесс // Юстиция Беларуси. 2014. № 9. С. 66–70.

УДК 343.14(476)

*Д.Е. Данильчик*

### **ОБЪЯСНЕНИЕ КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: ЗА ИЛИ ПРОТИВ?**

В практике решений, принимаемых по заявлениям и сообщениям о преступлении, по-прежнему остро стоит вопрос об использовании в качестве доказательств объяснений граждан и должностных лиц, полученных до возбуждения уголовного дела. Следует признать, что уголовно-процессуальное законодательство не раскрывает процессуальный порядок получения объяснений, таким образом, отодвигает объяснения на второй план, принижает их роль. Создается впечатление, что объяснение – это второстепенный процессуальный документ, который нельзя использовать в качестве источника доказательств.

Между тем не вызывает сомнений то обстоятельство, что как источник сведений о фактах объяснение, полученное в рамках уголовного процесса в соответствии с правилами проверки заявлений и сообщений о преступлениях, должно быть законодательно отнесено к иным документам и полноценно использоваться в качестве доказательства [1, с. 30]. В единичных случаях в судебной практике так и происходит. Но одно дело, когда решение вопроса постановлено в зависимость от разового субъективного усмотрения конкретного судьи, а другое – когда решение принимают согласно требованиям закона.

Законодателем действие ст. 173 УПК Республики Беларусь отнесено к стадии проверочной, нацеленной на решение вопроса о возбуждении уголовного дела. Рассмотрим, например, право органа дознания получать объяснения. С одной стороны, эти действия всегда проводились и проводятся. Но, с другой стороны, если их соотнести с буквой закона, то окажется, что в отличие от традиционных процессуальных действий их регламент и процедура не установлены. В частности, каким должен быть процессуальный документ, в котором будут зафиксированы объяснения, должны ли быть обязательные реквизиты, требования к составлению такого документа?

Многие уголовные дела и отказные материалы позволяют сделать вывод о том, что самым распространенным проверочным действием является получение объяснений. Причем по некоторым материалам объяснения получают от 2, 5, 10 и более лиц. Во многих случаях объяснения были правдивы и объективны, служили средством по установлению иных источников доказательств, в других, наоборот, опрошенные лица в

процессе дальнейшего расследования отказывались от своих слов. Следует обратить внимание на примеры, когда после задержания заподозренного лица с поличным на месте совершения преступления без промедления проводился осмотр места происшествия. В осмотре принимали участие следователь, сотрудники органов дознания, заподозренное лицо, а также понятые. Ход осмотра фиксировался путем видеозаписи. При осмотре места происшествия заподозренному лицу норма ст. 27 Конституции Республики Беларусь не разъяснялась, фактически проводился его опрос. Ему задавали вопросы, на которые заподозренное лицо отвечало по существу задержания с поличным, а также по существу обнаруженных предметов. Такими предметами могли быть денежные средства, наркотики, оружие, документы, носители информации, которые в дальнейшем признавались вещественными доказательствами. В ходе осмотра использовали фактор внезапности. Помимо объяснений заподозренного лица на видеозаписи фиксировали его сознательно-волевое поведение, жесты, мимику. Во многих случаях такие объяснения носили признательный характер, изобличали соучастников. В дальнейшем в ходе расследования подозреваемому и обвиняемому приходится уже оспаривать данные заподозренным лицом объяснения, например отказываться от них, ссылаясь на испуг, стресс от задержания, оказанное психологическое давление со стороны оперативных сотрудников. На факт оставался налицо, доказательства были получены, изложенные в объяснении факты нашли подтверждение в ходе расследования.

Подобная популярность рассматриваемого проверочного действия обусловлена тем обстоятельством, что объяснения получают не только от лиц-заявителей, но и тех лиц, в отношении которых поступило сообщение, а также от иных лиц, которые упоминаются в сообщении и могут обладать значимой информацией. Именно во время получения объяснения сотрудник, проводивший проверку, может получить от опрашиваемого лица необходимые сведения, задать вопросы, уточнить обстоятельства, необходимые для принятия процессуального решения, в порядке, предусмотренном ст. 174 УПК.

Сущность (содержание) проведения данного проверочного действия состоит в устной беседе, проводимой субъектом проверки сообщения о преступлении с физическим лицом, результаты которой заносятся в объяснение. Однако при всей «простоте» процедуры получения объяснений до сегодняшнего дня на законодательном уровне не определены процессуальный порядок, процессуальная форма (по аналогии должен быть протокол объяснения), права участников данного действия и статус тех результатов, которые были получены при объяснении. Подобная си-

туация порождает ряд проблем в практической деятельности. Рассмотрим некоторые из них, попытавшись определить пути их разрешения.

Как свидетельствует анализ правоприменительной практики, нередки случаи, когда сотрудники органа дознания в рамках дела оперативного учета проводили оперативно-розыскное мероприятие «опрос граждан», а далее оформляли их как объяснение. Однако, как справедливо заметила А.В. Земскова, фиксировать результаты опроса как оперативно-розыскного мероприятия в объяснениях, письменных заявлениях граждан, в протоколах приема устных заявлений граждан представляется ошибочной позицией, поскольку указанные документы составляются в рамках уголовно-процессуальной, а не оперативно-розыскной деятельности. Результаты опроса как оперативно-розыскного мероприятия должны находить отражение в справке оперативного работника [3, с. 40]. Следует заметить, что сотрудники милиции наделены правом на получение объяснений в связи с проверкой зарегистрированных в установленном порядке заявлений и сообщений о преступлениях (ст. 173 УПК) и на основании ст. 24 Закона от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь».

Однако в тексте названного Закона и статьи УПК не указана форма получения объяснения (письменная или устная). Отдельные граждане признают право сотрудников милиции на получение объяснений, но категорически отказываются что-либо подписывать либо излагать известную им информацию под запись, т. е. письменно. В такой ситуации субъекты проверки сообщений о преступлении оказываются в затруднительной ситуации, поскольку не имеют возможности сослаться на правовой документ (норму, положение), предусматривающий получение именно письменного объяснения.

В связи с этим представляется целесообразным на законодательном уровне уточнить форму получения объяснений, указав в тексте закона (ст. 173 УПК и в ст. 24 Закона «Об органах внутренних дел Республики Беларусь») право лица, производящего проверку сообщения о преступлении, получать письменные объяснения.

Следующая проблема, которая возникает при получении объяснений, связана с отсутствием правовой регламентации статуса тех лиц, от которых следует получать объяснения. Нередки случаи, когда граждане, вызываемые в ходе проверки сообщения о преступлении для дачи объяснений, просто отказываются от явки в органы внутренних дел даже для фиксации отказа от дачи объяснений. Неявка лиц для дачи объяснений часто приводит к тому, что установленные законом сроки для проверки сообщения о преступлении нарушаются, поскольку в отведенное

время невозможно собрать данные, достаточные для принятия законного и обоснованного решения по сообщению о преступлении.

На уровне уголовно-процессуального закона не предусмотрено никаких санкций за неявку лиц по вызову без уважительной причины. Привод возможен только по возбужденному уголовному делу и только в отношении тех участников уголовного дела, процессуальный статус которых (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и свидетель) позволяет применять к ним привод. Поскольку до возбуждения уголовного дела статус лиц, привлекаемых во время проверки сообщения о преступлении для дачи объяснений, никак не определен, постольку и применять к ним привод невозможно.

С нашей точки зрения, целесообразно дополнить ч. 1 ст. 130 УПК – предоставить право на применение привода к лицам, уклоняющимся от явки для дачи объяснений по материалу проверки.

Отсутствие статуса у лиц, участвующих при проверке сообщения о преступлении, порождает и другие проблемы. Так, например, лицо, приглашенное для дачи объяснения, приходит по вызову вместе с адвокатом.

С одной стороны, ст. 62 Конституции Республики Беларусь предоставляет каждому гражданину нашего государства право на получение квалифицированной юридической помощи. С другой стороны, участие адвоката при получении объяснения не предусмотрено уголовно-процессуальным законом. Возникает вопрос: может ли адвокат присутствовать при получении объяснения? В настоящее время в практической деятельности участие адвоката нередко допускается при получении объяснений. Однако следует отметить, что часто возникают ситуации, когда адвокаты препятствуют получению объективного и полного объяснения от опрашиваемого лица. Это проявляется в том, что они перебивают, отвечают на задаваемые вопросы за опрашиваемое лицо, заставляют его изменить формулировку первоначального ответа либо вовсе не рекомендуют этому лицу отвечать на некоторые вопросы. Несомненно, можно попросить удалиться адвоката или изначально не допускать его присутствия при получении объяснения. Однако это может привести к тому, что опрашиваемый вообще откажется давать какие-либо объяснения без присутствия адвоката, что может негативно отразиться на установлении истины. Поэтому в практической деятельности из тактических соображений участие адвоката допускается при получении объяснений.

Отсутствие законодательного регулирования процедуры получения объяснения влечет и такую проблему, как безответственность и безнаказанность лица, давшего ложную информацию при даче объяснений, отсутствует какая-либо санкция за представление ложной информации

опрашиваемым лицом. Как известно, уголовный закон предусматривает ответственность только за ложные показания, которые могут быть получены только в ходе допроса.

Вопросы, связанные с оценкой объяснений в качестве источников доказательств, не нашли должного отражения в трудах белорусских ученых-процессуалистов. Мнения российских ученых разделились: одни признают объяснения в качестве доказательств, другие, наоборот, отрицают данный факт.

Так, например, Т.Г. Кудрявцева и Д.Н. Кожухарик отмечают, что если положения об ответственности, о несвидетельствовании против себя и своих близких, а в случае согласия дать пояснения и дачи ложных пояснений либо в отказе от них на стадии фиксации в форме объяснения неприменимы, то и нельзя гарантировать правдивость пояснений лица. При этом страдает принцип достоверности получаемых сведений, а с ним напрямую связан принцип допустимости доказательств. Отсюда делается вывод о том, что объяснение ни в коей мере не может приниматься как прямое доказательство по делу [4, с. 30].

Данный тезис подтверждается и выводами Е.А. Доля о том, что «содержание доказательств, собираемых при производстве по уголовному делу, формируется с учетом законных интересов и правового положения лиц, от которых они исходят. Эта особенность не может быть учтена при получении рассматриваемых сведений в ходе проверки о преступлении. В силу отмеченных причин использовать указанные сведения в качестве доказательств нельзя ни при каких условиях» [2, с. 21].

А.В. Чуркин не разделяет мнение указанных ученых, его позиция соотносима с позицией Конституционного Суда Российской Федерации: «...объяснения, полученные до момента возбуждения уголовного дела следователем, руководителем следственного органа, органом дознания при проверке сообщения о преступлении, имеют доказательственное значение, как «иные документы» [5, с. 20].

На наш взгляд, объяснения могут и должны быть признаны допустимыми источниками доказательств в случае соблюдения условий и необходимой процессуальной формы:

1. Опрашиваемому в начальной части текста объяснения под роспись должно быть разъяснено дословное содержание правовой нормы ст. 27 Конституции Республики Беларусь – «не свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников».

2. По аналогии с протоколом допроса опрашиваемому лицу под роспись следует разъяснить, что данные объяснения могут быть использованы в ходе дальнейшего уголовно-процессуального производства

в качестве доказательств вины самого опрашиваемого лица или иного лица даже в случае последующего отказа самого опрашиваемого лица от настоящих объяснений.

3. Если опрашиваемый не владеет либо недостаточно владеет языком, на котором ведется опрос и оформляется текст объяснений, то процедура проводится по аналогии с правовой нормой, закрепленной в ст. 21 УПК.

4. Опрос граждан (получение объяснений) осуществляется по аналогии уголовно-процессуальной процедуры допроса, указанной в ст. 215–221 УПК.

5. Если опрашиваемый является малолетним или несовершеннолетним, то по аналогии со ст. 221 УПК при получении объяснений должен присутствовать педагог, а в случае необходимости также и законные представители несовершеннолетнего или его близкие родственники.

6. Перед началом опроса опрашиваемое лицо (будущий потерпевший или свидетель, если по обстоятельствам, входящим в предмет материалов всей проверки и данного конкретного опроса, прогнозируется возбуждение уголовного дела; но никак не возможный подозреваемый либо обвиняемый), достигшее 16-летнего возраста, должно быть предупреждено под роспись об уголовной ответственности по ст. 400 УК за заведомо ложный донос.

7. Письменные объяснения должны быть оформлены читаемым почерком либо напечатаны на листе бумаги при помощи компьютера. Когда следственные документы оформлены почерком, не поддающимся прочтению ввиду его своеобразия и значительного отступления от правил каллиграфии, то это является необоснованным лишением либо стеснением прав участников процесса, мешает всесторонне рассмотреть дело по существу, вследствие чего таких объяснения могут быть признаны недопустимым доказательством.

8. Не может получать объяснения – проводить процессуальную деятельность – лицо, которое само являлось очевидцем этих событий. Практика показывает, что после проведения многих оперативно-розыскных мероприятий, если они в своей конечной фазе трансформировались из негласного мероприятия в гласное, а проверяемое лицо задержано с личным, то сами субъекты их проведения, правоохранители, непосредственные очевидцы немедленно приступают к опросу интересующих их лиц, получая от них письменные объяснения. Эти письменные объяснения легализуются в уголовно-процессуальное доказывание. Впоследствии после возбуждения уголовного дела на основании названных выше представленных материалов самих оперативных работников и работников иных правоохранительных служб следователь допрашивает

в качестве свидетелей. При таких обстоятельствах сторона защиты, учитывая рассматриваемую судебную практику, может поставить вопрос о признании таких объяснений недопустимым доказательством.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что соблюдение практическими работниками в своей правоприменительной деятельности процессуальной формы объяснений будет способствовать признанию полученных сведений полноценными допустимыми источниками доказательств.

В целях совершенствования уголовно-процессуального закона предлагаем дополнить ст. 173 УПК ч. 2<sup>1</sup> следующего содержания:

«Лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен пунктом 1 статьи 6 настоящего Кодекса, а также право приносить жалобы на действия (бездействие) и решения органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном главой 16 настоящего Кодекса. Участники проверки сообщения о преступлении могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном статьей 198 настоящего Кодекса. При необходимости безопасность участника досудебного производства обеспечивается в порядке, установленном частью первой статьи 65 настоящего Кодекса, в том числе при приеме сообщения о преступлении»;

дополнить ст. 73 ч. 2<sup>2</sup> следующего содержания:

«Опрос граждан (получение объяснений) осуществляется по аналогии уголовно-процессуальной процедуры допроса, указанной в статьях 215–221 УПК».

Дополнить ч. 2 ст. 100 УПК следующим предложением:

«Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве источников доказательств при условии соблюдения положений статей 105 и 101 настоящего Кодекса».

1. Балакшин В.С. Объяснение как доказательство в уголовном и административном судопроизводстве // Рос. юрид. журн. 2012. № 5.

2. Доля Е.А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Рос. судья. 2013. № 6.

3. Земскова А.В. Правовые проблемы использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в уголовно-процессуальном доказывании. М., 1999.

4. Кудрявцева Т.Г., Кожухарик Д.Н. О допустимости в уголовном процессе объяснений в качестве доказательств // Рос. следователь. 2014. № 5.

5. Чуркин А.В. Допустимость в уголовном процессе объяснений как новых доказательств // Уголов. процесс. 2013. № 17.

УДК 343.1

*С.Л. Емельянов*

### **ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА И СИСТЕМО-СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

Проблема процессуальной формы в науке уголовного процесса относится к числу фундаментальных проблем. В рамках ее решения рассматривается целый комплекс вопросов, имеющих огромное теоретико-правовое и прикладное значение. Так, в период реформирования уголовно-процессуального законодательства особую значимость приобретает вопрос единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы, ведь правоприменительный процесс, разновидностью которого является уголовный процесс, требует внедрения наиболее целесообразной процедуры. Это позволяет решить его задачи в оптимальные сроки, защитить права и законные интересы его участников, урегулировать уголовно-правовой конфликт [1, с. 202].

В общей теории права под процессуальной формой понимают совокупность однородных процедурных требований, предъявляемых к действиям участников процесса и направленных на достижение определенного материально-правового результата. Иными словами, процессуальная форма представляет собой особую юридическую конструкцию, которая воплощает принципы наиболее целесообразной процедуры осуществления определенных полномочий [2, с. 14]. Применительно к уголовному процессу данная дефиниция может быть конкретизирована с учетом особенностей данного вида юридического процесса, что позволит выявить его специфику именно в этой сфере государственной деятельности.

Давая определение процессуальной формы, в литературе ее нередко отождествляют с порядком производства по делу и характеризуют как регламентированные правом порядок, принципы и систему уголовно-процессуальной деятельности, установленные для достижения задач уголовного судопроизводства и обеспечения прав и законных интересов его участников. Другие авторы подчеркивают ее содержательную сторону

и определяют как систему правоотношений, возникающих в ходе деятельности субъектов процесса, третьи – акцентируют внимание на внешней стороне процессуальной формы как на совокупности условий выполнения уголовно-процессуальных действий, на их обрядности [3, л. 22].

Достаточно емкое и точное по существу определение процессуальной формы было дано, на наш взгляд, М.С. Строговичем, который подразумевал под ней установленный уголовно-процессуальным правом порядок (процедуру) производства по уголовным делам, т. е. последовательность стадий и условия перехода дела из одной стадии в другую; общие условия, характеризующие производство в конкретной стадии; основания, условия и порядок производства следственных и судебных действий, выполняя которые компетентные государственные органы и должностные лица реализуют свои полномочия, а граждане осуществляют свои права и обязанности; содержание и форму решений, которые могут быть вынесены по уголовному делу [4, с. 51].

Процессуальная форма является неотъемлемой стороной уголовного производства, поскольку представляет собой правовую форму деятельности органов уголовного преследования и суда. Ее значение достаточно детально проанализировано М.Л. Якубом, который выделил такие аспекты этой формы: она гарантирует условия последовательной реализации демократических принципов уголовного судопроизводства; определяет стабильный, юридически определенный режим производства по уголовным делам; содержит условия, направленные на достижение активности правоохранительных органов; содержит гарантии прав и законных интересов граждан; создает условия для проведения полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела; включает средства, позволяющие выяснить в процессе производства по уголовному делу причины и условия совершения преступления и принять меры, направленные на его предупреждение; имеет большое значение для поддержания авторитета суда и убедительности его решений [5, с. 12].

Основу уголовно-процессуальной формы составляет предусмотренный законом единый порядок осуществления процессуальной деятельности, который определяется общими принципами уголовного процесса. Принципы уголовного процесса обуславливают те общие правила осуществления уголовно-процессуальной деятельности, которые действуют безотносительно к его этапам, особенностям уголовного дела, конкретному содержанию процессуального действия. В дальнейшем уголовно-процессуальная форма конкретизируется за счет включения определенных элементов, свойственных различным ступеням, частям процессуальной деятельности, и приобретает ряд специфических черт в зависимости от категории уголовного дела и его конкретных особенностей.